

УДК 72.04(033.2:012.6):(1-924.71:(1-14))

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ КАПИТЕЛИ И ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Хрушкова Л. Г.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
E-mail: khrushkovaL@list.ru*

Несколько капителей ранневизантийской эпохи, хранящихся в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, составляют неоднородную группу предметов различного происхождения. Четыре капители из местного камня относятся к типу ионических импостных капителей, они являются подражаниями византийских капителей того же типа, широко распространенных в V – VI вв. Две фрагментированные капители из проконнесского мрамора и одна небольшая капитель из камня с «тонким зубчатым» аканфом также относятся к ранневизантийской эпохе. Одна мраморная капитель датируется римской эпохой. Эта коллекция говорит о том, что во внутренних областях Крыма, куда византийский мрамор доставлялся в очень ограниченном количестве, некоторые элементы декора христианских базилик производились на месте.

Ключевые слова: Крым, Бахчисарай, Мангуп, ранневизантийские капители, архитектурные детали, Проконнесс, мрамор, известняк.

В коллекции архитектурных деталей Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника имеется несколько ранневизантийских капителей. Посвященная им статья опубликована в малодоступном заинтересованному читателю издании [1, р. 85–94]¹. В настоящем сборнике эта статья публикуется в переработанном и расширенном виде.

Среди капителей Бахчисарайского музея ионические импостные капители составляют однородную группу². Ионическая импостная капитель – характерное порождение позднеантичной эпохи. Более того, капитель этого типа, наряду с простым импостом, – это действительно изобретение византийских мастеров, все остальные типы капители Византия заимствовала из античности, так или иначе видоизменив их. Различные типы античных капителей соответствовали своему назначению до тех пор, пока колоннады базилик связывались плоским конструктивным элементом – архитравом. Но когда архитравы стали уступать место более совершенной арочной системе, возникла серьезная проблема перехода от колонны и капители к арке, кото-

---

¹ Я ознакомилась с капителями Бахчисарайского историко-культурного заповедника в июле 2010 г. Выражаю сердечную признательность Александру Германовичу Герцену и Оксане Николаевне Алпашкиной за содействие и помощь в работе.

² В старой литературе на русском языке, вплоть до 20-х гг. XX в., вместо общепринятого сейчас термина «импост» иногда употреблялось немецкое наименование – «кемпфер» (Kempfer).

рая существенно шире, нежели постелистая часть капители, на которую опирается пята арки. С этой целью и был изобретен импост, своего рода каменная подушка, переходный элемент в виде усеченной пирамиды, у которой основание меньше, чем постель, на которую опирается арка. Время появления импоста не совсем ясно, очевидно лишь, что широкое распространение он получил в V и особенно в VI в. Сначала импост высекали отдельно и его могли устанавливать на капитель любого типа. Более удачным в конструктивном отношении и более быстрым в изготовлении было соединение в одном блоке ионической капители и венчающего ее импоста.

Из всех типов позднеантичной капители именно ионическая капитель оказалась самой удобной, потому что прямоугольное основание импоста хорошо подходило к капители с неравными сторонами. Так, в историческом развитии капители наблюдается некоторый парадокс: когда традиционная ионическая капитель уже почти отжила свой век, ее соединение с импостом дало ей новую долгую и счастливую жизнь. Поздние формы ионической импостной капители пережили эпоху Юстиниана, когда этот тип капители достиг своего расцвета. Его применяли всюду: в Константинополе и Малой Азии, на Балканах, на островах Эгейского моря и на Кипре, в Причерноморье и в Северной Африке. Главным центром распространения ионической импостной капители стали проконнесские мастерские византийской столицы, которые наладили массовое производство этой продукции. Импостную ионическую капитель производили и в других местах, например, в Греции, в Эфесе, чаще – в мраморе, но иногда и в местном камне. Успеху этой формы способствовала простота ее исполнения: у этой капители отсутствуют два ряда пышных отогнутых листьев аканфа на корпусе, импост может иметь декор только на одной стороне или не иметь его вовсе. В Херсонесе капители этого типа преобладают, их число достигает 40 % от общего количества [2, с. 144–146], или 32 целых (или почти целых) экземпляров и сверх того 15 фрагментов различных размеров [3, с. 44–52, tabl. 75–95].

Типологию ионических импостных капителей создал Рудольф Кауч, чей фундаментальный труд о позднеантичной капители остается непревзойденным и в наши дни. В основе его классификации был, прежде всего, стилистический анализ пластического декора в традициях немецкого искусствознания, но также и форма капители. Он отмечает, что возможное возникновение ионической импостной капители уже в IV в. остается точно не доказанным, но хорошо известно, что ее расцвет относится к юстиниановской эпохе [4, S. 165–182]. Позже к этой теме обращались другие авторы, в их числе Жан-Пьер Содини, Клаудиа Барзанти и др. Последней по времени обобщающей работой является диссертация Василики Веми об ионической импостной капители в Греции, в этой книге читатель найдет и обзор предшествующих работ [5]. Проблема хронологии остается основной и самой трудной. Веми поставила своей задачей разработать хронологию ионической импостной капители в Греции, детально рассматривая все элементы капители и выделяя те структурные элементы, которые «имеют хронологическое значение». При этом морфологии отдается предпочтение перед стилистическим анализом декора. Имеются в виду «элементы фундаментальной формы капители» и соотношения между ними, особое значение придается сопо-

ставлению высоты ионического элемента и высоты импоста. Речь идет об установлении относительной хронологии [5, р. 6–8]. Однако едва ли эту задачу удалось решить. Относительная хронология капителей в Греции по-прежнему составляет проблему. Известное наблюдение, что со временем ионический элемент склонен уменьшаться, в сравнении с разрастающимся импостом, не является достаточным, чтобы датировать массу капителей, которые производились в разных центрах. Их особенности вряд ли подчинялись однолинейной эволюции. Что же касается абсолютной хронологии, здесь самое главное то, что число капителей с точными датами-реперами не увеличивается [5, р. 5]. Впрочем, для Константинополя хорошо датированные церкви, такие, как базилика Св. Иоанна Предтечи в Студийском монастыре (Имрахор) 453 г. и серия памятников V–VI вв. византийской столицы и Равенны, создают основу для датировки капителей, которые вывозились из проконнесских мастерских в разные места, в том числе и в Херсонес.

А. Л. Якобсон датировал ионические импостные капители VI в. или юстиниановской эпохой и полувеком позже, А. Бернацкий присоединился к этому мнению. Согласно современной точке зрения, в Константинополе ранние образцы типа датируются серединой V в., а большинство подобных капителей были изготовлены в первой половине VI в. [6, р. 159–170; 7, р. 326–327]. В Херсонес капители доставлялись из Константинополя, здесь тоже ранние ионические импостные капители из епископской (Уваровской) базилики датируются временем между серединой и последней четвертью V в. [8, р. 156, fig. 31; 9, с. 189–190; 10, р. 136–137]. Судя по размерам, в Херсонесе, как и всюду, ионические капители-импосты использовались главным образом в хорах базилик [11, Sp. 103–106].

Четыре капители из Бахчисарайского музея изготовлены из местного камня – известняка желтоватого цвета, который называют «местным мрамором», или мраморовидным известняком. Проконнесский мрамор обычно доставляли морским путем, поэтому его ввоз во внутренние районы Крыма был очень ограничен. Образцами для местных мастеров служили, скорее всего, мраморные проконнесские капители, прежде всего, из Херсонеса.

Капитель 1. Ионическая импостная капитель (рис. 1), на которой имеется шифр и инвентарный номер, указывающий на ее происхождение из Чуфут-кале¹. Там ранее были найдены три коринфские капители из мрамора, которые могли относиться к базилике ранневизантийской эпохи [12, с. 143–146, 161; 13, Sp. 82, 94, 112–114]. Верхняя часть импоста бахчисарайской капители отбита. Размеры основания, которое покоится на колонне: 43 x 43 см, размер верхней постели: 67 x 57 см. Высота импоста в современном состоянии 16 см, высота ионического элемента 11 см. В центре основания капители находится маленькое квадратное в плане углубление для крепления, здесь же два канала для свинца. Обе части капители четко отделены друг от друга. Ионическая часть не выступает за края импоста, волюты не связаны между собою. Эти особенности характерны для всей группы ионических капителей-импостов Бахчисарайского музея.

---

¹ ЧК МПГ 42–57: Чуфут-Кале, Музей пещерных городов, инв. № 42–57.

Эхин лицевой стороны капители 1 поврежден в середине, сохранились только два маленьких угловых листа аканфа, которые, возможно, обрамляли ов. На обратной стороне эхина два листика меньших размеров соединены между собою, образуя маленький ов. Сохранилась одна волюта, она правильного рисунка и вырезана четко. Балюстры не выступают относительно боковых сторон импоста, они немного сужены в середине и разделены перевязью, по обеим сторонам которой расположены копьевидные листья, – это элемент классического ионика (рис. 2).

Лицевая сторона импоста украшена листьями аканфа, расположенными симметрично по сторонам центрального мотива, вероятно, креста с удлиненной нижней ветвью. Именно этот мотив был самым распространенным как на ионических импостных капителях, так и на простых импостах. Обратная сторона импоста нашей капители гладкая. Капитель можно датировать первой половиной VI в.

Капитель 2. Ионическая импостная капитель того же типа, что и капитель 1 (рис. 3). Ее размеры – 40 x 45 см у основания, высота ионического элемента – 8,5 см, размеры верхней постели – 56 x 87 см, высота импоста – 29 см. Здесь высота импоста заметно больше, чем высота ионического элемента. Лицевая сторона эхина украшена овом и двумя трехдольными листьями аканфа, которые заменяют здесь традиционные пальметты классических капителей. Эти листья аканфа соединены небольшим выступом, который связывает волюты между собою и отмечает переход от эхина к импосту. Обратная сторона эхина украшена двумя маленькими трехдольными листиками аканфа, которые соединяются, образуя маленький ов (рис. 4). Волюты хорошо очерчены, глазок рельефный. Балюстры слегка сжаты в середине, которая отмечена перевязью, они украшены длинными листьями, частично сбитыми.

Вверху импост завершается горизонтальной полосой. Этот обычный элемент капителей рассматриваемого типа играет роль абака. Обе узкие стороны импоста украшены. В середине лицевой стороны расположен «процветший» крест с удлиненной нижней ветвью, часто и неточно именуемый «латинским крестом». Листья аканфа, окружающие крест, заполняют всю поверхность импоста. Эта типичная для фасада импоста декоративная схема «выкристаллизовалась в мастерских Константинополя» [5, р. 39].

В середине оборотной стороны импоста капители 2 две пальметты окружают маленький овал, который соответствует овалу на эхине. Четыре листа винограда, расположенные с обеих сторон, заполняют поверхность импоста. Декор, состоящий из листьев, полностью покрывающих импост и расположенный вокруг центрального мотива, чаще всего креста, появляется в середине V в., в церкви монастыря Св. Иоанна Студия в Константинополе [5, р. 73–74]. Одна мраморная ионическая капитель-импост из Кушадаси (Kazim Yamam Parki) дает пример сходства морфологических и декоративных черт, близких к нашей капители, включая и мотив на реверсе эхина. Эта капитель типична для начала VI в. [14, р. 42–45, fig. 4–6]. Оригинальной чертой капители № 2 из Бахчисарая является изображение листьев винограда на реверсе вместо привычных листьев аканфа. Эта капитель датируется первой половиной VI в.

В коллекции херсонесских мраморных капителей нет ионических импостных капителей, украшенных на обеих узких сторонах импоста, но можно привести два простых импоста, у которых декор лицевой стороны очень близок к капители 2 из Бахчисарая. Один из этих импостов находится в византийской экспозиции Херсонесского музея-заповедника, а другой – на колонне в базилике № 28, расположенной рядом с собором Св. Владимира XIX в. [3, tabl. 102, 103]. Упомянем также пять ионических импостных капителей из Херсонеса со сходным декором на лицевой стороне импоста: крест, с обеих сторон окруженный листьями аканфа. Обратная сторона этих капителей лишена всякого декора [3, tabl. 80, 91, 92].

Капитель 3. Ионическая импост-капитель (рис. 5) того же типа, что и предыдущие две. Ее размеры: основание 42 x 41 см, верхняя постель 85 x 54 см, высота импоста 20 см, высота ионического элемента 7–8,5 см. Верхняя часть импоста представляет горизонтальную полосу. Обе узкие стороны импоста, лицевая и обратная, лишены декора. Волюты не связаны между собою, они не моделированы, а скорее прочерчены. Лицевая сторона эхина украшена одним овом и двумя угловыми трехдольными листьями аканфа, как на капители 2. На оборотной стороне эхина видны два маленьких листа аканфа, они встречаются в середине, образуя маленький ов. Эта деталь похожа на аналогичный элемент капители 1. На одной балюстре два листа аканфа разделены перевязью (рис. 6). Другая балюстра украшена растительным мотивом и перекрещивающимися прочерченными линиями. Капитель можно датировать первой половиной VI в. В Херсонесе имеется четыре мраморные ионические импостные капители, у которых на импосте нет декора [3, tabl. 75, 77, 78, 93].

Капитель 4. Ионическая импостная капитель (рис. 7) того же типа, что и предыдущие три. Размеры основания 41 x 39 см, размеры верхней постели 74 x 47 см, высота ионического элемента 10 см, высота импоста 18 см. Верхняя часть импоста представляет собой горизонтальную полосу. Лицевая сторона импоста украшена «процветшим» крестом с расширяющимися концами в виде треугольников (форма, часто именуемая *stoix pattée*). Обратная сторона импоста без декора. Ионическая часть отступает вглубь от краев импоста, который несколько шире. Четкая грань между импостом и эхином отсутствует, наблюдается смешение, соединение в едином целом обеих структурных частей капители, ионической части и импоста. Эти черты сближают бахчисарайскую капитель с группой 2 «упрощенного типа» (тип III) по классификации ионических импостных капителей, предложенной Веми. Такой тип эхина распространен на протяжении долгого периода, начиная с последней четверти V в. и до конца VI в. [5, p. 19–21].

Бахчисарайская капитель не окончена. Волюты не моделированы, а графически прочерчены в виде спиралей, которые украшают оконечности балюстр. Балюстры представляют собою простые цилиндры, без сужения в середине и без декора. Эхин тоже никак не украшен, он остался в виде закругленного выступа. Формой цилиндрических балюстр и прочерченными спиралью волют бахчисарайский экземпляр очень близок к капители из церкви Св. Иоанна в Эфесе, которая тоже осталась неоконченной. Эфесская капитель, выполненная на месте из привозного проконнесского мрамора, датируется юстиниановской эпохой [15, p. 226–227, fig. 8, 9]. Еще одна неоконченная капитель из музея в Варне (Одессос) в Болгарии близка к бахчисарайской

тем, что все ее элементы – эхин, гладкие цилиндрические балюстры и импост – лишены декора. В течение первой половины VI в. число неоконченных капителей этого типа увеличивается [6, p. 170, fig. 117]. Капитель из Бахчисарая можно датировать первой половиной VI в.

Образцы незавершенных капителей дают представление о последовательности выполнения элементов. Сначала из общего блока камня высекался импост и одновременно с ним ионическая часть, в которой из общей массы по узким сторонам выступали эхины и контуры волнот, а по длинным сторонам – балюстры. Эти обобщенные формы были лишены декора и деталей. Затем выполнялись детали: мотив креста, иногда вместе с листьями аканфа, и иные элементы на импосте, на эхине с обеих сторон – овы или листья аканфа различных форм, спирали на волнотах и растительные мотивы на балюстрах, которые чаще всего уже не имели посередине сжатия, унаследованного от классической эпохи. Нередко импост украшен одним лишь крестом на лицевой стороне.

В музее-заповеднике «Херсонес Таврический» хранится восемь экземпляров ионических капителей-импостов из проконнесского мрамора, у которых на импосте такая же форма «длинного креста» с расширяющимися в виде треугольников концами [3, tabl. 84–89], но среди капителей этой группы нет ни одного экземпляра ничем не украшенного эхина. Стиль бахчисарайских капителей, особенно № 2 и № 4, значительно упрощен и довольно грубый.

В Бахчисарайском музее-заповеднике находятся еще четыре капители, которые не составляют единой группы.

5. Нижняя часть маленькой капители из проконнесского мрамора (рис. 8), найденная в 1938 г. во время раскопок на плато Мангуп¹. Ее размеры в современном состоянии: высота 16–17 см, диаметр базы 28,5 см. На корпусе капители расположена корона из восьми листьев аканфа тонкого зубчатого аканфа, которые, встречаясь, образуют фигуру, похожую на арочку, которая служит как бы рамкой для трехдольных листьев тонкого зубчатого аканфа. На астрагале расположен ряд мелких листьев аканфа, поставленных косо. Эта деталь типична для композитных капителей, так же, как и для двузонных, с протомами животных по углам верхней зоны и с тонким зубчатым аканфом в нижней части. Бахчисарайская капитель относилась к одному из двух названных типов. Ее можно датировать второй половиной V в. [9, с. 182, рис. 7]. Композитные капители с тонким зубчатым аканфом производились в константинопольских мастерских, они принадлежат к числу самых сложных и изысканных созданий поздней античности. В херсонесской коллекции они немногочисленны. К уже известным капителям [9, с. 174–191; 10, p. 129–140] добавим еще одну. Это неопубликованная композитная капитель с двумя рядами тонкого зубчатого аканфа из фондов Государственного Исторического музея в Москве² (рис. 9).

¹ На капители указан шифр: КП 62466, инв. АВ 12891, находка 1938.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Денису Валерьяновичу Журавлеву, благодаря любезности которого я смогла ознакомиться с коллекцией византийских мраморов, поступивших в ГИМ из Херсонеса.

Особенность состава херсонесской коллекции капителей объясняется хронологическим фактором. Эпоха самого активного строительства в Херсонесе – это конец V – первая половина VI в. и эпоха Юстиниана. Преимущественный же период распространения капителей с тонким зубчатым аканфом – это эпоха предшествующая: от середины до третьей четверти V в. и, возможно, до конца этого столетия. Таким образом, пик строительной деятельности в Херсонесе не совпадает с временем наибольшего распространения капителей с тонким зубчатым аканфом.

6. Маленькая капитель выполнена из светло-серого известняка, ее верхняя часть повреждена (рис. 10). Высота капители 20 см, диаметр основания 28 см. Судя по размерам, она могла принадлежать алтарной преграде. На корпусе капители расположен один ряд из четырех слегка отогнутых листьев аканфа. Абак украшен мотивом «чешуек». Эта капитель представляет собою подражание капители с тонким зубчатым аканфом. Имитация довольно неумелая, поскольку форма мелких зубчиков тонкого аканфа выработана в мраморе и исполнить их в другом материале трудно. На бахчисарайском экземпляре листья упрощенной формы покрыты регулярно расположенными овальными и треугольными отверстиями, которые выполнены сверлами. Один необычно массивный выступающий ов помешен на несвойственное ему место на корпусе капители, между листьями аканфа, и переходит на абак. Очевидно, что мастер не имел ясного представления о структуре капители. Эту капитель можно датировать концом V или началом VI в.

В качестве аналогии этой капители из камня можно указать маленькую известняковую капитель из базилики в Партенитах. Аканф этой капители тоже является довольно грубым подражанием тонкому зубчатому аканфу мраморных капителей (рис. 11). Высота партенитской капители 17 см, поэтому Н. И. Репников справедливо предположил ее принадлежность к алтарной преграде [17, с. 114, рис. 52; 18, с. 96]. Еще одна малая капитель местной работы из известняка с подражанием тонкому зубчатому аканфу была найдена на Мангупе [18, с. 95]. Ее отличительная черта: крупная розетта, украшающая лицевую сторону абак, занимает также и часть лицевой стороны капители (рис. 12). Такое свободное отношение к структуре традиционной капители напоминает капитель из Бахчисарайского музея.

Еще одно изделие из местного камня, украшенное неотогнутыми и плоско трактованными листьями тонкого зубчатого аканфа – карниз (?) из Мангупа [18, с. 99]. Капитель-импост с таким же схематизированным и неотогнутым аканфом, но из мрамора, известна в Херсонесе. В свое время ее опубликовал Якобсон [2, рис. 47], но, видимо, с тех пор она была утрачена, потому что ее нет в каталоге херсонесских мраморов Бернацкого. Мастера, выполнявшие такие элементы декора из известняка, могли использовать образцы, имевшиеся здесь же, на Мангупе. Об этом свидетельствует небольшая четырехлистная мраморная капитель V в., которая сейчас находится в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского [18, с. 94]. Она отличается редкой чертой, которую мы, однако, встречаем не в Херсонесе, а в Константинополе, в Студийской базилике: у мангупской капители редко встречающиеся двойные листья аканфа – знак особой изысканности, парадности [6, р. 142].

Упомянем еще одну капитель из камня, найденную в низовьях р. Бельбек [18, с. 96]. Это импост «корзиночной» формы. В литературе о Крыме такие капители именуют «кубовыми», хотя импост по своей морфологической природе не может иметь кубическую форму. Капитель из Бельбека оправдывает название «корзиночной» не только по форме, но и по декору, который похож на плетенку. Капитель кажется незавершенной: плетенка не доходит до правого края, а верхняя широкая полоса оставлена без декора. Корзиночные капители, в том числе и с мотивом плетенки, производились из проконнесского мрамора в VI в. Скорее всего, к этому времени относится и капитель из долины Бельбека. Подобных капителей в Херсонесе нет. Таким образом, некоторые капители из восточных регионов Крыма свидетельствуют о том, что здесь поддерживали прямые, а не через Херсонес, контакты с Константинополем и другими центрами.

В Партенидах Репников обнаружил фрагмент тонкой колонки высотой 33 см, диаметром 13 см, у основания 16 см (рис. 13). Тоже выполненная в камне, эта, по его выражению, «отличная резная колонка» дает пример высокохудожественного исполнения крупных листьев тонкого зубчатого аканфа, которые покрывают всю поверхность колонки [17, с. 114, рис. 50]. Судя по ее толщине, колонка служила одной из ножек престола. Эти фрагменты происходят из какой-то базилики VI в. Они свидетельствуют о том, что при отсутствии устойчивого поступления импортного мрамора местные мастера смело, хотя и с разной степенью успеха, брались за работы по украшению интерьера церквей изделиями из камня.

7. Коринфская капитель из проконнесского мрамора, найденная на Мангупе. Она была обращена в чашу (рис. 14, 15). Превращения такого рода нередки. Капитель, полая изнутри, служила прочным и красивым сосудом, удобным в церковном применении. Чаще всего их использовали как крещальные купели. Подобные примеры известны в Греции [6, fig. 57], в Равенне, Никее, Аполлонии в Киренаике и, конечно, в Херсонесе [19, p. 128–131, fig. 3–6, 9]. Феодосийский музей обладает тремя сосудами, изготовленными из мраморных капителей, подобный сосуд имеется также в музее Судака [16, с. 144–145, рис. 55, 56]. Мраморные чаши меньших размеров могли служить сосудами для освященной воды. По-видимому, это случай бахчисарайской капители, которая для крещальной купели мала. Размеры капители: высота 46 см, диаметр внизу 33 см, диаметр сверху изнутри 25 см. Сосуд закрывался крышкой, выемка для нее идет по верхнему краю.

Декор сохранился только в нижней части, он состоит из пяти листьев аканфа, составляющих один ряд. В верхней части капители декор утрачен, поэтому мы не можем судить, была ли это обычная коринфская капитель или она принадлежала к одному из двух подтипов: «лирной» капители или капители «V-образной», согласно типологии, выработанной Каучем. Встречаясь, листья аканфа образуют углубления геометрических форм. Такой тип аканфа получил специальное название «аканф-маска», которое характеризует условную геометризацию стилизованного листа. Углубления, расположенные в определенном, нередко симметричном, порядке, могут «читаться» как самостоятельный узор, негативный по отношению к выступающим над

фоном листьям. Коринфские капители с таким аканфом широко распространились во второй половине V и в первой пол VI в. [6, p. 111–135; 7, p. 319–321]. В коллекции Херсонеса имеется 26 достаточно хорошо сохранившихся коринфских капителей и пять фрагментов с «аканфом-маской» [3, s. 33–37, tabl. 47–61].

8. В бахчисарайской коллекции есть еще одна мраморная капитель (рис. 16), найденная в 1938 г. на плато Эски-Кермен. Она частично повреждена, ее размеры: высота 52 см, длина лицевой стороны 64 см в верхней части. По определению А. И. Буйских, эта капитель принадлежит архитектурной традиции Малой Азии и датируется II в. [20, с. 24, рис. 8, 1]. Монументальные сооружения этого времени неизвестны в Эски-Кермене, видимо, она была доставлена туда из другого пункта.

Дата большой базилики на Мангупском плато является предметом долгих дискуссий, при этом хронологическая вилка очень широка, между VI и IX веками. Новые исследования на плато дают новые материалы, в том числе и о хронологии монументальных сооружений [21, с. 240–295]. По моему мнению, базилика была сооружена в юстиниановскую эпоху. Об этом говорят особенности ее плана, строительной техники и литургических устройств. Такой крупный памятник должен был иметь богатую декорацию. В Бахчисарайском музее-заповеднике хранится коллекция мелких фрагментов плит и колонок из мрамора, которые происходят из старых раскопок базилики (рис. 17). Размеры некоторых фрагментов следующие: 28 x 13 x 3,5–5 см, 20 x 19 x 6, 5 см, 18 x 17 x 4 см, 18 x 13 x 4, 5 см, 16 x 13,5 x 9 см, 10 x 8 x 2 см. Эти детали относились к интерьеру базилики. Судя по их толщине и характерным мулуррам, большинство их были частями плит алтарной преграды. Такие плиты в VI в. в массовом количестве производились в проконнесских мастерских и вывозились в разные места. Три фрагмента колонок, 25 см в диаметре, также были элементами конструкции алтарной преграды. Несколько мраморных плиток лишены декора, обычно их использовали для мощения полов. Ряд фрагментов плит из известняка были подражаниями мрамору, но другие были самостоятельными произведениями местных резчиков по камню (рис. 18, 18а). Это еще одно свидетельство того, что в условиях недостатка мрамора использовался местный камень, а привозные мраморные изделия служили образцами.

Из мангупской базилики происходит архитектурный фрагмент, на который мое внимание обратил Александр Германович Герцен. Это блок известняка, в 2009 г. лежавший слева от западного входа в центральный неф базилики (рис. 19). Одна его сторона украшена равноконечным крестом, вписанным в круг. Крест образован пересекающимися в центре круга сегментами, которые образуют рукава креста с вогнутыми рукавами. Крест обрамлен двойным кругом с треугольниками, которые являются стилизацией венка – мотива, который в раннехристианское время очень часто сочетался с крестом или хризмой. Кресты такой формы были широко распространены на христианском Востоке в V–VI вв. Их родиной, скорее всего, была Сирия, там они встречаются часто, на различных элементах архитектурного декора [22, рl. XIV,1, XL,2, XLIII,3]. Кресты такой формы многочисленны в Грузии и Армении, которые культурно и конфессионально были тесно связаны с Сирией. Подобные кре-

сты, высеченные из местного известняка, встречаются в регионах, куда вывозился и византийский мрамор, например, в Абхазии [23, с. 31, табл. XIX,3]. В Херсонесе, где мрамор был в изобилии, как нигде в Крыму, форма равноконечного креста с вогнутыми и расширяющимися рукавами встречается крайне редко. Мне известен один пример изображения подобного креста из архивных материалов Мартина Ивановича Скубетова. В одной из его черновых тетрадей видим крест в двойном круге с треугольниками (рис. 20). Он зарисован тщательно, указано множество промеров, но мы не знаем, откуда происходит эта архитектурная деталь¹. В этом частном вопросе мы тоже отмечаем некоторое сходство Мангуша и Херсонеса – двух городов, где условия строительства крупных базилик и их украшения были совершенно различными.

Византийский мрамор проникал во внутренние районы Крыма в очень ограниченных количествах по сравнению с Херсонесом. Им дорожили, именно здесь известны вообще редкие случаи «реставрационных работ». Я имею виду капитель из проконнесского мрамора, которая была найдена в 1869 г. в Партенитах, или на базилике [17, с. 112, рис. 46–48], или, по другим данным, на винограднике муллы Беялы [24, с. 420], куда она могла попасть из ближайшего церковного здания, то есть из той же базилики (рис. 21). Эта ионическая импостная капитель принадлежит к небольшой и редкой группе капителей, у которых в декоре импоста видим два типа аканфа: «остролистный» аканф сочетается с крупными листьями тонкого зубчатого аканфа, расположенными на углах импоста.

Партенитская капитель отличается одной особенностью: здесь листья тонкого зубчатого аканфа расположены по углам только лицевой стороны импоста, а на углах оборотной стороны видим аканф, условно и не вполне точно именуемый остролистным. Поэтому и на боковых гранях импоста с одной стороны изображен лист аканфа «остролистный», а с другой – тонкий зубчатый. В центре лицевой стороны импоста располагался овальный рельефный кабошон с вписанным в него крестом с удлиненной нижней ветвью. Кабошон сильно выступал над фоном, его окружали листья аканфа, крест был выполнен в тонкой ажурной технике. Этот хрупкий декоративный элемент на партенитской капители был утрачен, как это произошло и со многими другими капителями такого рода. Среди них капитель из раскопок Уваровской базилики, хранящаяся в Государственном Историческом музее в Москве, а также импост из константинопольской базилики монастыря Св. Иоанна Студия 453 г. [25, с. 394–395, рис. 11; 28, р. 394–397].

В Партенитах капитель отреставрировали. На месте утраченного кабошона, где остался гладкий, ничем не заполненный овал, мастер вырезал крест. Однако это уже совсем другая работа и иной уровень исполнения. Воспроизвести ажурный крест, приподнятый над фоном, было уже невозможно технически, поэтому мастер вырезал крест на свободном месте, поместив его в овал неправильной угловатой формы. Рисунок этого нового креста грубоватый, пропорции нарушены, – достаточно сравнить

¹ Научный архив ГМЗХТ. Ф. № 1. Д. № 135. «Из архива М. Скубетова». Пользуюсь случаем выразить благодарность заведующей архивом Херсонесского музея-заповедника Татьяне Александровне Прохоровой за содействие в работе.

его с превосходно исполненным крестом на оборотной узкой стороне импоста той же капители. У нового креста между ветвями помещены не листья аканфа (о них, видимо, уже забыли), а листики лилии (крина). Композиция креста в сочетании с мотивом лилии характерна для раннего средневековья, для эпохи VIII–IX вв. Видимо, во время строительства Партенитской базилики капитель, привезенная из Херсонеса, стала элементом интерьера, и ее отреставрировали, восстановив главное – изображение креста. Сполии такого рода могли использовать в алтаре, в конструкции престола, например.

Споры о дате строительства Партенитской базилики продолжаются. С. Б. Адаксина и В. Л. Мыц настаивают на датировке памятника X в. [24, с. 401–503]. Однако эта дата не находит обоснования в материалах раскопок, проведенных авторами в 1998–2001 гг. Прежде всего, реконструкция плана церкви является чистой гипотезой, потому что раскрытая раскопками часть памятника очень незначительна, да и та сохранилась лишь на уровне фундаментов. Неясно даже, какой типологии показанное на этой реконструкции сооружение. План, опубликованный Н. И. Репниковым, несравненно более достоверный, потому что в момент обмера базилика была раскопана полностью, ее стены частью еще сохранялись, поэтому все основные элементы план – стены, проемы, опоры – являются результатом натурной фиксации реальных объектов.

Стратиграфическое положение археологических материалов, которые Адаксина и Мыц считают датирующими, вызывает сомнение, потому что в разных публикациях тех же авторов сообщается различная информация о месте находки одних и тех же предметов. Стеклообразная лампадка с ушками-петельками, найденная в слое разрушения, – характерный и широко распространенный предмет ранневизантийского времени. Однако о дате лампадки не сказано ничего.

Столь важный элемент декора, как вымостка *opus sectile*, на протяжении столетия после статьи Репникова не привлекала внимания. Адаксина и Мыц тоже упоминают о ней в нескольких словах, считая ее «идентичной» вымостке Десятичной церкви в Киеве. В действительности же между вымостками этих двух памятников нет ничего общего, они принадлежат разным эпохам. Этот вопрос в последнее время рассматривался неоднократно [26, р. 506–509; 27, с. 45–48; 25, с. 392]. Адаксина и Мыц упоминают баптистерий в северном «пастофории». Однако наличие крещальной купели в северной апсиде (резервуар в апсиде открыл Репников) полностью исключает датировку памятника средневизантийской эпохой, когда «пастофорий» являлся протесисом (жертвенником), но никогда не бывал местом крещения. Адаксина и Мыц считают «кенотафом» монументальную гробницу из мраморных плит в южном нефе базилики. Но что такое «христианский кенотаф» и был ли он возможен в Партенитах? Это вопросы. И, наконец, в работе Адаксиной и Мыца объемом свыше 100 страниц нет ни одного фотодокумента, поэтому читатель, к сожалению, не может представить себе, как выглядит памятник сейчас, многие десятилетия спустя после раскопок Репникова. В этом контексте вторично использованная партенитская капитель – свидетельство того, что в период раннего средневековья ее стремились приспособить к какой-то новой функции.

Коллекция капителей из Бахчисарайского музея дает нам представление об архитектурном декоре некоторых «малых городов» Крыма в ранневизантийскую эпоху. Несомненно, Херсонес был главным местом импорта мраморов из проконнесских мастерских. Но византийские мраморы проникали и во внутренние районы Крыма, и иногда им подражали местные мастера, выполнявшие сходные изделия из камня.

Список использованных источников и литературы

1. Khrushkova L. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Est de la Crimée // *Mélanges Jean-Pierre Caillet* / ed. M. Jurković. – Zagreb-Motovun: University of Zagreb, 2013. – P. 85–94.
2. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. / А. Л. Якобсон. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР, 63). – 363 с.
- Yakobson A. L. Rannesrednevekovyj Khersones. / A. L. Yakobson. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1959 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 63). – 363 S.
3. Biernacki A.B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzkiego. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 328 s.
4. Kautzsch R. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitelle im Osten vom vierten bis ins siebente Jahrhundert. Berlin; Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co., 1936 (Nachdruck, 1970).
5. Vemi V. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne. – Athènes; Paris: École française d'Athènes, 1989 (Bulletin de Correspondance Hellénique, Suppl. XVII).
6. Barsanti C. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV–VI secolo // *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*, serie III. 1989. XII. – P. 91–214.
7. Sodini J.-P., Barsanti C., Guiglia Guidobaldi A. La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine // *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae*, II. – Città del Vaticano-Split, 1998. – P. 301–376.
8. Khroushkova L. Chersonesos in the Crimea: the First Christian Buildings (4th-5th Centuries) // *Antiquité Tardive*. 2008. 16. – P. 141–158.
9. Хрушкова Л. Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом : капители с тонким зубчатым аканфом / Л. Г. Хрушкова // ВВ. – 2011. – 70. – С. 174–191.
- Khrushkova L. G. Prokonnesskij mramor v Khersonese Tavricheskom: kapiteli s tonkim zubchatym akanfom / L. G. Khrushkova // ВВ. – 2011. – S. 174–191.
10. Khrushkova L. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves // *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history* / ed. G. R. Tsatskhelidze. BAR International Series 2432. – Oxford, 2012. – P. 129–140.
11. Peschlow U. Kapitell // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 2001. Bd. 20. – Sp. 58–123.
12. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь: Дар, 1999. – 350 с.
- Ajbabain A. I. Etnicheskaya istoriya rennevizantijskogo Kryma / A. I. Ajbabin – Simferopol: Dar, 1999. – 350 s.
13. Khrushkova L. Krim (Chersonesus Taurica) // *Reallexikon für Antike und Christentum*. 2007. Bd. 22. – Sp. 75–125.
14. Russo E. Sculture architettoniche e decorative paleocristiane e bizantine nel Kazim Yaman Parki di Kuşadası // *Bizantinistica*, serie seconda. 2008 (2007). 9. – P. 41–60.
15. Russo E. The Ionic Impost Capitals of the Church of St. John in Ephesus, in: *Araştırma Sonuçları Toplantısı 1. Cilt. Cöceği, 28 Mayıs – 1 Haziran 2007*. – Ankara, 2008. – P. 221–234.
16. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV – XVIII веков / Е. А. Айбабина. – Симферополь, 2002.
- Ajbabina E. A. Dekorativnaja kamennaja rezba Kaffy XIV – XVIII vekov / E. A. Ajbabina. – Simferopol, 2002.

17. Репников Н. И. Парthenитская базилика / Н. И. Репников // ИАК. – 1909. – 32. – С. 91–140.
Repnikov N. I. Partenitskaya bazilika / N. I. Repnikov // IAK. 1909. – 32. – S. 91–140.
18. Смірнов Р. Скульптура та архітектурний декор (IV – перша половина XVI ст.) / Р. Смірнов // Історія українського мистецтва. У п'яти томах. Гол. ред. Г. Скрипник. Мистецтво середніх віків. / под ред. Л. Ганзенко і др. Київ: НАН України; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2010. – С. 87–112.
Smirnov R. Skulptura ta arkhitekturnyj dekor (IV – persha polovina XVI st.) / R. Smirnov // Istoriya ukrainskogo mystetstva. U pjaty tomakh. Gol. red. K. Skrypnyk. Mystetstvo serednykh vikiv. / pod red. L. Ganzenko i dr. Kyiv: NAN Ukrainy; IMFE im. M.T. Rylskogo, 2010. – S. 87–112.
19. Jastrzębowska E. Ein Kapitell oder ein Becken und wofür // Études et Travaux. 2012. XXV. – P. 128–131.
20. Буйских А. В. К изучению стилей в монументальной архитектуре Херсонеса Таврического первых веков н. э. / А. В. Буйских // Херсонесский сборник. ANACARSIS. Памяти Ю. Г. Виноградова. – Севастополь, 2001. – С. 13–33.
Bujskikh A. V. K izucheniyu stilej v monumentalnoj arkhitekture Khersonesa Tavricheskogo pervykh vekov n. e. / A. V. Bujskikh // Khersonesskij sbornik. ANACARSIS. Pamyati Yu. G. Vinogradova. – Sevastopol, 2001. – S. 13–33.
21. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.) / А. Г. Герцен, О. С. Иванова, В. Е. Науменко // МАИЭТ. – 2010. – 16. – С. 240–295.
Gertsen A. G., Ivanova O. S., V. E. Naumenko. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastrojki (seredina IX-nachalo X v.) / A. G. Gertsen, O. S. Ivanova, V. E. Naumenko // MAIET. 2010. – 16. – S. 240–295.
22. Lassus J. Invenaire achéologique de la région au Nord-Est de Hama. Vol. 1–2. – Damas, 1935–1936 (Documents d'études orientales publiés par l'Institut français de Damas, IV).
23. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. / Л. Г. Хрушкова. – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 126 с.
Khrushkova L. G. Skulptura rannesrednevekovej Abkhazii. V–X veka. / L. G. Khrushkova. – Tbilisi: Metsniereba, 1980. – 126 s.
24. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Парthenитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Христианский Восток. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; М.: Индрик, 2013. – Т. 6 (XII). – С. 401–503.
Adaksina S. B., Myts V. L. Partenitskaya bazilika v X-XI vv. (pervyj etap sushchestvovaniya pamyatnika) / S. B. Adaksina, V. L. Myts // Khristianskij Vostok. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha; M.: Indrik, 2013. – Т. 6 (XII). – S. 401–503.
25. Хрушкова Л. Г. Базилика в Парthenитах (Южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? / Л. Г. Хрушкова // Климентовский сборник. Материалы 6 Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011) / под ред. Т. Ю. Яшаевой. – Севастополь: Телескоп, 2013. – С. 384–408.
Khrushkova L. G. Bazilika v Partenitakh (Yuzhnyj Krym): mog li byt v nej pokhoronen episkop Ioann Gotskij? / L. G. Khrushkova // Klimentovskij sbornik. Materialy 6 Mezhdunarodnoj konferentsii “Tserkovnaya arkheologiya: Khersones – gorod svyatogo Klimenta” (Sevastopol, 2011) / pod red. T. Yu. Yashaevoj. – Sevastopol: Teleskop, 2013. – S. 384–408.
26. Khrushkova L. *Opus sectile* Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey / ed. M. Şahin. Istanbul, 2011. – P. 505–518.
27. Хрушкова Л. Г. Полю *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст / Л. Г. Хрушкова // Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара, 22–24 ноября 2010 года / под ред. Д. Д. Елшина. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 34–59.
Khrushkova L. G. Poly *opus sectile* v Vostochnom Prichernomorje, Krymu, Kive: vizantijskij kontekst / L. G. Khrushkova // Pervye kamennye khramy Drevnej Rusi. Materialy arkhitekturno-

arkheologicheskogo seminara, 22–24 noyabrya 2010 goda / pod. red. D. D. Elshina. – SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2012. – S. 34–59.

28. Khroushkova L. Chersonèse en Crimée aux IVe–VIe siècles: topographie et chronologie // *Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae. Toleti* (8-12.9.2008). *Episcopus, civitas, territorium. Pars I* / ed. O. Brandt et al. – Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2013. – P. 387–402.

Khrushkova L. G. Early Byzantine capitals from the South-Western Crimea / L. G. Khrushkova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 137–162.

There are several capitals in the Museum of Bakhčisarai, located in the centre of the Crimea. Four capitals of the Age of Justinian, form a homogeneous group. Made from a local variety of marble, they belong to the type of the Ionic Impost capital. This type is the most numerous (32 objects, in addition to fragments) in the collection of capitals brought from Prokonnessos to Chersonesos. The other capitals in the Bakhčisarai museum do not form a single group. Among them is the lower part of a capital with “fine-toothed acanthus” (middle of the 5th – first decades of the 6th century), a Corinthian capital turned into a bowl (late 5th – early 6th century), a small capital of local limestone with imitation “fine-toothed acanthus” (late 5th – early 6th century). An item apart is the Roman Corinthian capital of the 2nd century.

Keywords: Crimea, Bakhčisaray, Mangup, early byzantine capitals, architectonic details, Prokonnessos, marble, limestone.

Рис. 1. Бахчисарайский музей. Капитель 1, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 2. Бахчисарайский музей. Капитель 1, балюстрада (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 3. Бахчисарайский музей. Капитель 2, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 4. Бахчисарайский музей. Капитель 2, оборотная сторона (фото Л. Г. Хрушковой).

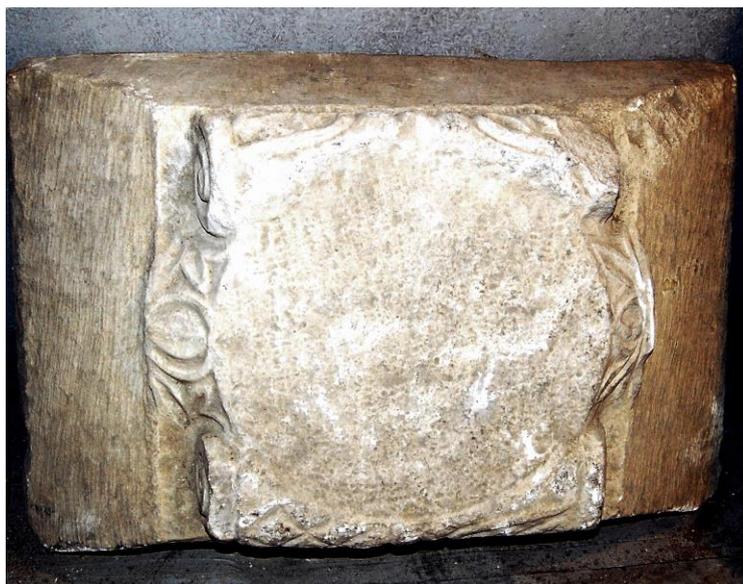

Рис. 5. Бахчисарайский музей. Капитель 3, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 6. Бахчисарайский музей. Капитель 3, балюстра и боковая сторона импоста (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 7. Бахчисарайский музей. Капитель 4, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 8. Бахчисарайский музей. Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой)

Рис. 9. Москва. Государственный Исторический музей. Капитель с тонким зубчатым аканфом, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 10. Бахчисарайский музей. Капитель четырехлиственная с тонким зубчатым аканфом, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

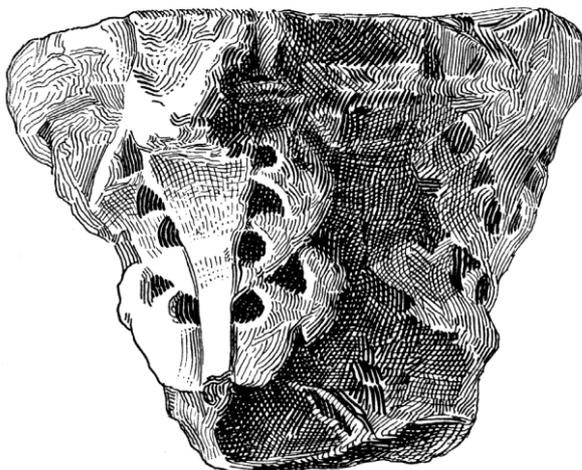

Рис. 11. Партениты. Капитель четырехлистная с тонким зубчатым аканфом, известняк (по: Р. П. Смирнов / Н. И. Репников).

Рис. 12. Мангуп. Капитель с тонким зубчатым аканфом, известняк (по: Р. П. Смирнов / А. Маркевич).

Рис. 13. Партениты. Колонка от престола, известняк (по: Н. И. Репников).

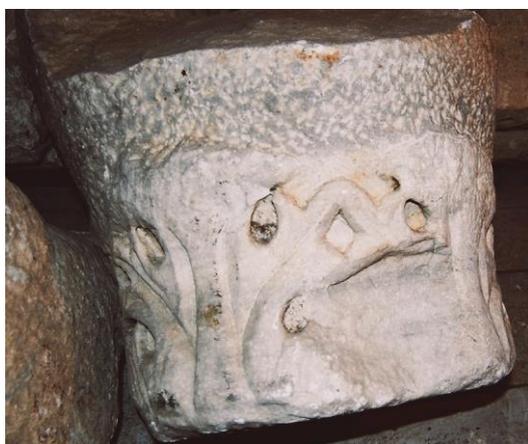

Рис. 14. Бахчисарайский музей. Капитель коринфская – чаша, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 15. Бахчисарайский музей. Капитель коринфская – чаша, вид сверху (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 16. Бахчисарайский музей. Капитель римской императорской эпохи, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

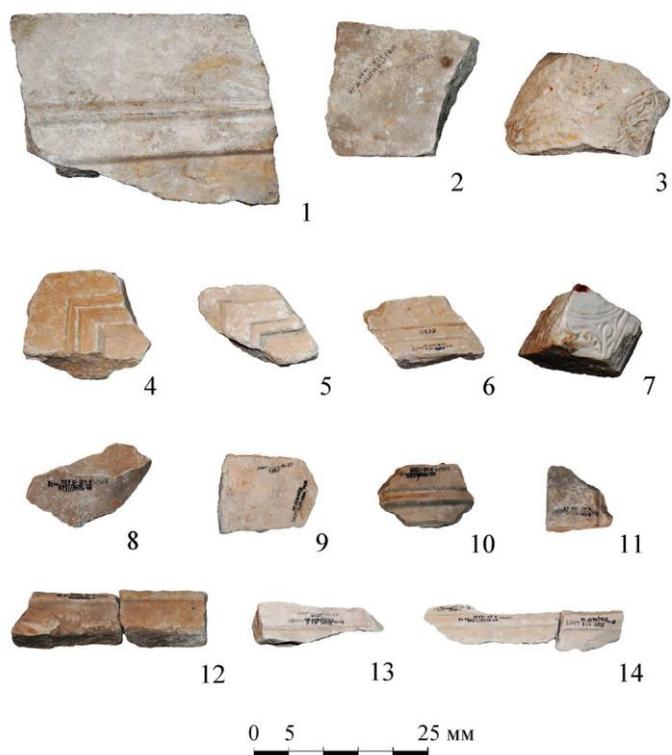

Рис. 17. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

Рис. 17а. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагмент плиты, мрамор (фото Л. Г. Хрушковой).

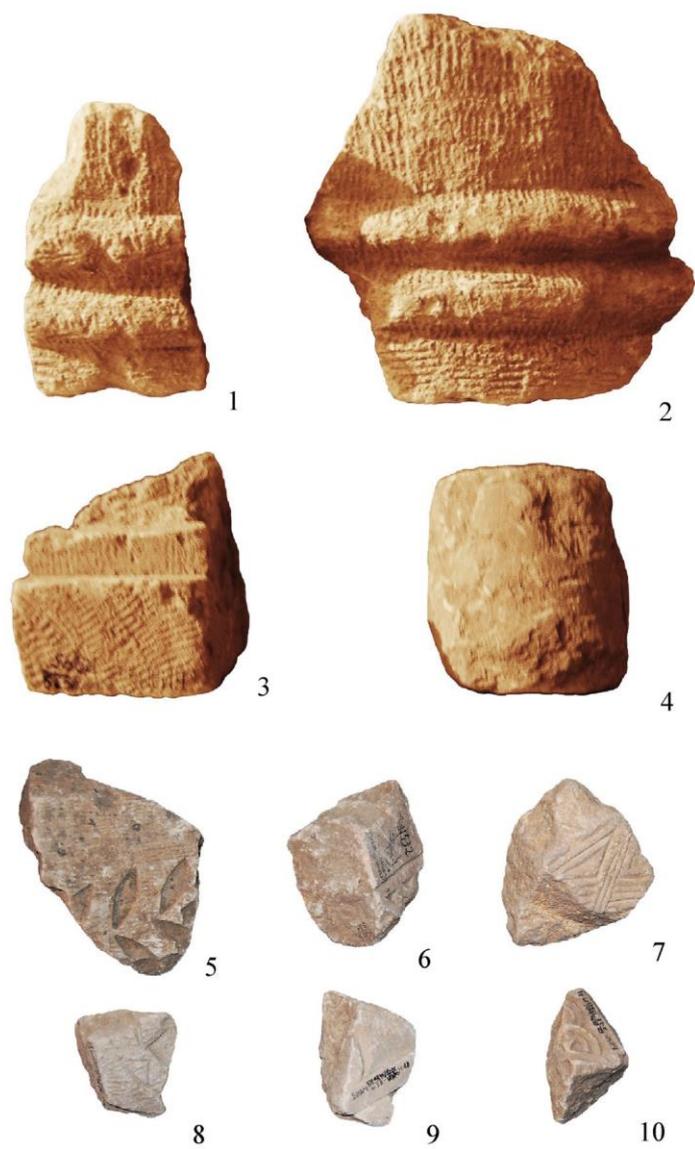

Рис. 18. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

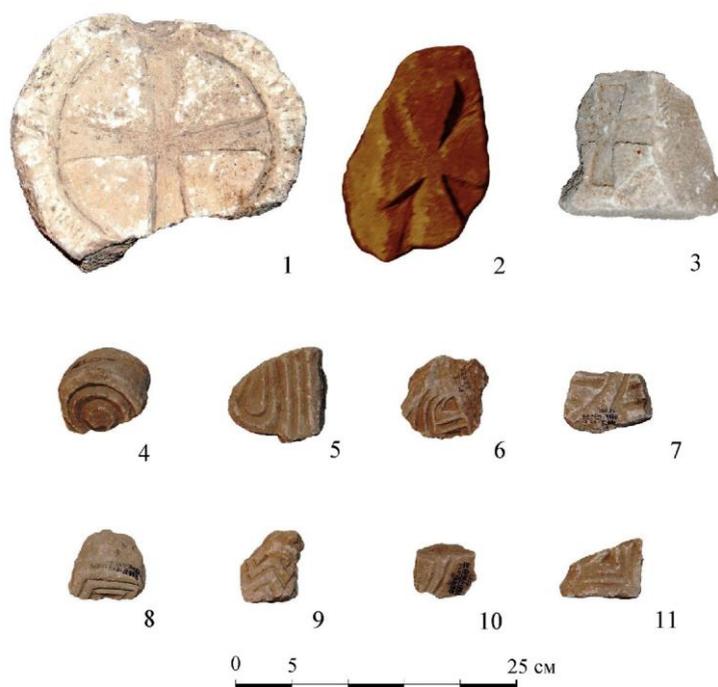

Рис. 18а. Бахчисарайский музей. Мангуп. Фрагменты плит, известняк (фото Л. Г. Хрушковой).

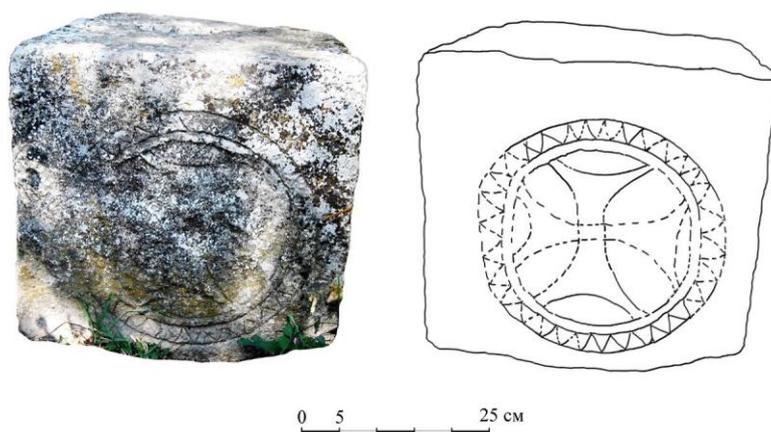

Рис. 19. Мангуп. Архитектурная деталь с изображением креста, известняк (фото Л. Г. Хрушковой, рис. И. Л. Снитко).

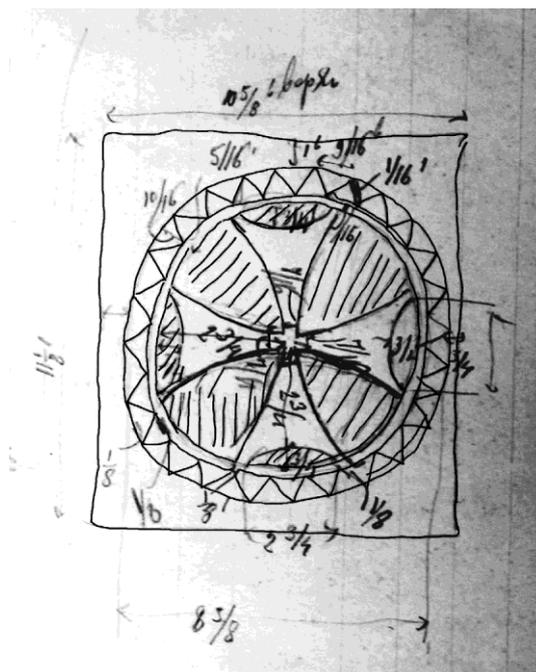

Рис. 20. Херсонес. Архитектурная деталь с изображением креста (рис. М. И. Скубетова).

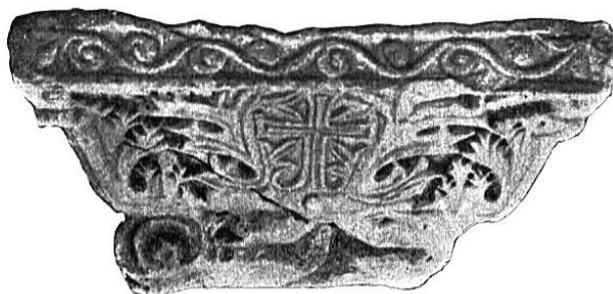

Рис. 21. Партениты. Капитель, лицевая сторона, мрамор (по: Н. И. Репникову).